

1878

КРОВЬ ПО СОВЕСТИ

С утра 31 марта 1878 г. у здания петербургского окружного суда наблюдалось небывалое оживление. Сановные господа и разряженные светские дамы заполнили до отказа зал заседаний, простая публика толпилась на улице. В этот день слушалось дело по обвинению дочери капитана Веры Засулич в покушении на убийство петербургского градоначальника Федора Трепова.

С фактической стороны дело было совершенно ясно, и правительство решило устроить показательный публичный процесс безо всяких опасений за его исход. Прокурор петербургской палаты Лопухин уверял министра юстиции Палена: «Это дело личной мести, и присяжные ее обвинят, как пить дадут».

Он ошибся. Преступление Засулич в глазах всей публики безусловно было «политическим», поскольку в Трепова она стреляла вовсе не из «личной мести». Мотив покушения был «общественный». 13 июля 1877 г. по распоряжению петербургского градоначальника был жестоко высечен розгами в доме предварительного заключения бывший студент Боголюбов за то, что при повторной встрече с Треповым не снял шапки. Помимо мелочности повода всех шокировала противозаконность треповского распоряжения, которое, однако, благословил министр юстиции граф Пален (после общей отмены телесных наказаний за дисциплинарные проступки 17 апреля 1863 г. они были сохранены только для крестьян по приговору волостных судов и для каторжан, но приговор по делу Боголюбова еще не вступил в законную силу, а порка подследственных не допускалась). В доме предварительного заключения едва не случился бунт возмущенных студентов, томившихся там после демонстрации у Казанского собора, где будущий глава русских марксистов, а тогда юный студент Горного института Георгий Плеханов, впервые поднял красное знамя с лозунгом «Земля и воля». Среди прочих сидел там Николай Морозов, который и через много лет будет вспоминать с жаром, как давал самому себе клятву: «За это надо отомстить, отомстить во что бы то ни стало.

...Я отомщу..., когда меня выпустят...» В обществе также сильно негодовали, ожидали по меньшей мере монаршего внушения Трепову, но его не последовало (незаконнорожденный сын Николая I Федор Трепов пользовался благоволением Александра II, который на другой день после покушения заехал справиться о его здоровье).

Морозова опередили. 24 января 1878 г. Вера Засулич явилась в приемную градоначальника и выстрелила в него из револьвера. Цель ее, как она объяснила суду, состояла в том, чтобы «обратить внимание на это происшествие...» и «ценою собственной гибели, доказать, что нельзя быть уверенным в безнаказанности, так ругаясь над человеческой личностью...»

Рана Трепова оказалась серьезной, он по состоянию здоровья не мог явиться в суд и даже «подвергаться допросу на дому без явного вреда для здоровья», в подтверждение чего суду было предъявлено медицинское свидетельство, выданное профессором Н.В. Склифосовским.

В обвинительном акте деяние Засулич было квалифицировано как покушение на умышленное убийство, за что статья 1454 Уложения о наказаниях предусматривала лишение всех прав состояния и ссылку в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет. Но дело решали присяжные, приговор которых, как справедливо указывал министру юстиции председательствующий на процессе Анатолий Кони, «основывается на многих неуловимых заранее соображениях». Однако и он был уверен — «здравый смысл присяжных подскажет им решение справедливое и чуждое увлечений. Факт очевиден, и едва ли присяжные решатся отрицать его».

Обвиняемая и не пыталась отрицать намеренного покушения на убийство. На вопрос председательствующего, признает ли она себя виновной, Засулич ответила: «Я признаю, что стреляла в генерала Трепова, причем, могла ли последовать от этого рана или смерть, для меня было безразлично».

И тем не менее присяжные после короткого совещания вынесли вердикт о полной невиновности Засулич. Старшина едва успел выговорить «Не виновна» в ответ на первый, основной вопрос суда. Дальнейшую речь его нельзя было расслышать за громкими криками «Браво! Ура! Молодцы!», истерическими рыданиями, бурными аплодисментами и топотом ног, которыми присутствовавшие выразили свой восторг и полное одобрение решения присяжных. Публика с улицы

хлынула в зал. Защитника Засулич, присяжного поверенного Александра, принялись качать, а затем на руках вынесли на улицу и пронесли несколько кварталов.

Незадолго перед тем возникший революционный Союз «Земля и воля» выпустил по поводу оправдания Засулич прокламацию «К русскому обществу», где говорилось: «31 марта 1878 г. для России начался пролог той великой исторической драмы, которая называется судом народа над правительством.... В этот день разрыв русского общества с правительством выразился de facto в здании окружного суда оправдательным приговором присяжных и поведением публики, аплодировавшей приговору. Присяжные отказались обвинить ту, которая решилась противопоставить насилию насилие».

Адвокат Александров в речи на процессе подчеркивал, что «физиономия государственных преступлений нередко весьма изменчива. То, что вчера считалось государственным преступлением, сегодня или завтра становится высокочтимым подвигом гражданской доблести». 31 марта 1878 г. русское добропорядочное, законопослушное, по большей части либерально настроенное общество в лице жюри присяжных, состоявшего на процессе Засулич из чиновников и купцов, «по убеждению совести» признало террористический акт «подвигом гражданской доблести».

Оправдание Веры Засулич было по существу антиправительственной демонстрацией. Таким образом русское общество за неимением других средств выразило глубокое недовольство политикой правительства, переходящего от реформ к реакции. Вместе с тем вердикт присяжных имел громадное значение для внутренней борьбы в стане русских радикалов. С самого зарождения пореформенного революционного движения, известного под общим наименованием «народничества», в нем ясно обнаружили два глубоко несходных течения. Историческая литература советского времени, вслед за Лениным, выстроившим теорию трех этапов революционного движения в России, в спорах между участниками «разночинского этапа» видела только тактические расхождения. На самом деле за разногласиями относительно характера грядущей революции и отношений интеллигенции и народа просматриваются два противоположных идеала будущего общественного устройства. Оправдав Засулич, общество дало своеобразный карт-бланш одному из этих радикальных течений, ослабляя и отталкивая на обочину общественной жизни другое.

«...Социализмом к свободе»

Петр Чаадаев в «Философических письмах» впервые сформулировал тезис, оказавший огромное влияние на всю последующую российскую общественную мысль. Открытие его заключалось в преимуществах русской отсталости. Россия отстала от Европы, но именно «поэтому нам незачем бежать за другими... Мы пойдем вперед, и пойдем скорее других, потому что пришли позднее их, потому что мы имеем весь их опыт и весь труд веков, предшествовавших нам».

Русская революционная мысль вслед за европейской уже в 40-е гг. XIX века усваивает идеал социализма. Один из первых русских политических эмигрантов Александр Герцен, выступая против европейского буржуазного «мещанства», отвергая общество «ничем не обуздываемого стяжания», видел в социализме новое евангелие. «Поразительное сходство современного состояния человечества с предшествующими Христу годами... — записывает Герцен в 1844 г. — В наше время социализм и коммунизм находятся совершенно в том же положении, они предтечи нового мира общественного, в них рассеянно существуют *membra disjecta*¹ будущей великой формулы».

Но если в передовых странах Европы, испытавших все ужасы первоначального капитализма, путь к социализму связывался с борьбой пролетариата, то для России открывалась возможность избежать «язвы пролетариатства» и мук, связанных со становлением капиталистических отношений. Отставшая Россия могла не только догнать, но и перегнать просвещенную Европу, срезав угол на новом историческом повороте. Россия может и должна миновать капитализм, было бы странно, убеждал Герцен, «повторять теперь всю длинную метаморфозу западной истории, зная вперед *le secret de la comedie*²...».

Практическая возможность такого рывка связывалась с тем, что к моменту европейского поворота в сторону социализма Россия сумела сохранить «свою незаметную скромную общину, т. е. владение обща землею, равенство всех без исключения членов общины, братский раздел полей по числу работников и собственное мирское управление своими делами».

¹Разъединенные члены (лат.).

²Секрет Полишинеля, то есть тайна известная всем (франц.). Здесь — развязка.

Перспективы русской общины многим вовсе не казались блестящими. Другой эмигрант, ярый западник и теоретик анархизма Михаил Бакунин, упрекал Герцена и его друзей в том, что они «запнулись за русскую избу, которая сама запнулась да и стоит века в китайской неподвижности», и иронически вопрошал: «почему эта община, от которой вы ожидаете таких чудес в будущем, в продолжении 10 веков прошедшего существования не произвела из себя ничего, кроме самого печального или гнусного рабства?» Сам же, впрочем, и предлагал ответ: «в ней нет свободы, а без свободы, вестимо, никакое общественное движение немислимо».

Но для Герцена существующая община — хранительница социального равенства — не идеал, а только зародыш будущего общественного строя. Наличная русская община обладает чудовищным недостатком. Она сковывает индивидуальную свободу. Между тем идеал социализма предполагает, с точки зрения Герцена, необходимость «сочетания личной независимости, без которой нет свободы, с общественной тягой, с круговой порукой, без которых свобода делается одним из монополей собственника». В годовщину революции 1848 г., выступая на митинге, организованном европейскими социалистами, Герцен так представлял возможность согласования «личной свободы с миром». Каждый член общины, утверждал Герцен, должен потребовать себе «все права, принадлежащие ему как особе, не утрачивая при том прав, которые он имеет как член общины».

На западе «выработаны свобода личности» и демократические нормы, но они доступны лишь меньшинству. В России есть община, но она «поглощает личность». Задача революционного меньшинства, по мысли Герцена, заключается в том, чтобы «снять их противуречие» — «сохранить независимость британца без людоедства» всеобщей жестокой конкуренции и «развить личность крестьянина без утраты общинного начала». И в разрешении этого противоречия — «вся мучительная задача нашего века, в этом-то и состоит весь социализм».

В развитых странах «безумно было бы начать переворот с уничтожения свободных учреждений, потому что они на деле доступны только меньшинству; еще безумнее уничтожить общинное начало, к которому стремится современный человек, за то, что оно не развило еще свободной личности в России».

Запад и Россия утверждал Герцен, обращаясь к европейским социалистам, пойдут к одной цели, «но не по одной дороге — вы пролетариатом к социализму, мы социализмом к свободе».

Предоставляя общинному быту развиваться в результате свободного творчества свободного народа, Герцен решительно отказывался рисовать сколько-нибудь определенные картины будущего общественного порядка. В детальных проектах тогдашних социалистов, в частности у Фурье, его бесили «жалкие мелочи и подробности». «В широком и светлом фаланстере их тесновато», — писал он, — «народы будут холодны, пока проповедь пойдет этим путем; но учения эти велики тем, что они возбуждают, наконец, истинно народное слово, как евангелие».

Революция мыслилась в рамках этого направления исключительно как социальный переворот, совершенно не связанный с политическими потрясениями. Именно поэтому Россия, где нет политических свобод, имеет преимущество перед Европой, где либералы будут всячески препятствовать социалистическому перевороту. В Европе, писал Герцен, «либералы боятся потерять свободу — у нас нет свободы; они боятся правительственного вмешательства в дела промышленности — правительство у нас и так мешается во все; они боятся утраты личных прав — нам их еще надобно приобретать». Русским нечего терять и легче пойти сразу на социальный переворот.

Этот переворот связан с устранением общественных отношений и социальных институтов, но ни в коем случае не предполагает уничтожения людей, поставленных силою судьбы в эти отношения. По убеждению Герцена «в социальных нелепостях современного быта никто не виноват и никто не может быть казнен — с большей справедливостью, чем море, которое сек персидский царь», и следовательно «обрушивать ответственность за былое и современное на последних представителей "прежней правды", делающейся "настоящей неправдой", так же нелепо, как было нелепо и несправедливо казнить французских маркизов за то, что они не якобинцы...». «Мы убеждены, — писал Герцен в 1866 г., — что почин, что первые шаги нашего переворота совершатся без кровавых потрясений».

Задача революционной интеллигенции, возвращающей долг народу, из которого она вышла, заключается никак не в насилии над народными чаяниями и не в насильственном внедрении известного образа жизни. Редактор «Современника», самого «передового» журнала, рупора революционной демократии, Николай Чернышевский также верил, что к успеху ведет движение самих масс: «прочно только то

благо, которое не зависит от случайно являющихся личностей, а основывается на... самостоятельной деятельности нации».

Но они отчетливо осознавали: нация не вполне готова к социальному перевороту. Отсюда задача интеллигентного меньшинства — подготовка крестьянства к восприятию ценностей социализма.

Герцену и Чернышевскому, людям высокой культуры, было невозможно призывать к бунту непросвещенный народ, который эту культуру в ходе бунта уничтожит. Чернышевский в «Письмах без адреса» сетовал: «народ невежествен, исполнен грубых предрассудков и слепой ненависти ко всем отказавшимся от его диких привычек. Он не делает никакой разницы между людьми, носящими немецкое платье; с ними со всеми он стал бы поступать одинаково. Он не пощадит и нашей науки, нашей поэзии, наших искусств; он станет уничтожать всю нашу цивилизацию».

Герцен резко выступал против полного сокрушения старого порядка, к чему призывали некоторые горячие головы. «Старые студенты, жившие в отвлеченьях, они ушли от народа дальше, чем его заклятые враги, — ехидничал Герцен. — Поп и аристократ, полицейский и купец, хозяин и солдат имеют больше прямых связей с массами, чем они. Оттого-то они и полагают возможным начать экономический переворот... с выжиганья дотла всего исторического поля, не догадываясь, что поле это с своими колосьями и плевелами составляет всю непосредственную почву народа, всю его нравственную жизнь, всю его привычку и все его утешенье». Поэтому по мысли Герцена «новый водворяющийся порядок должен являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной. Нанося удар по старому миру, он не только должен спасти все, что в нем достойно спасения, но оставить на свою судьбу все немешающее, разнообразное, своеобычное. Горе бедному духом и тощему художественным смыслом перевороту, который из всего былого и нажитого сделает скучную мастерскую, которой вся выгода будет состоять в одном пропитании, и только в пропитании».

1 марта 1860 г. в издаваемом Герценом в Лондоне «Колоколе» было напечатано «Письмо из провинции». Автор письма, скрывшийся под псевдонимом «Русский человек» (есть основания полагать, что это был Добролюбов) призывал Герцена: «...наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто кроме топора не поможет! ... Другого спасения нет. Вы все сделали, что могли, что-

бы содействовать мирному решению дела, перемените же тон, и пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит в набат! К топору зовите Русь».

«Призвавши к топору, — отвечал Герцен, — надобно овладеть движением, надобно иметь организацию, надобно иметь план, силы и готовность лечь костями, не только схватившись за рукоятку, но схватив за лезвие, когда топор слишком расходится».

Попытки подтолкнуть, радикальными средствами ускорить процесс народного взросления только вредны. В 1866 г. после того как в царя стрелял студент Дмитрий Каракозов, Герцен высказался вполне определенно: «Пуль нам не нужно... мы в полной силе идем большой дорогой... Остановить нас невозможно, можно только своротить с одной большой дороги на другую — с пути стройного развития на путь общего восстания».

Сообразно этому идеалу будущего общества, совмещающего свободу и коллективизм, строилась и первая народническая организация — «Земля и воля», возникшая весной 1862 г. Программа организации лишь в самом общем виде предусматривала созыв Земского собора, которому на правах учредительного собрания предстояло установить «правление выборное по областям, с главным избранным сеймом в Петербурге или в Москве», отмену частной собственности и «изменение городского и сельского быта в общины». Сама же организация представляла собой федерацию местных кружков, в которой Центральный комитет не обладал распорядительными, командными полномочиями, а играл исключительно координационную роль.

Едва ли не главной задачей организации мыслилось предотвращение кровопролития при грядущей народной революции. В первом номере издававшегося землевольцами листка «Свобода» сообщалось, что «организация наша составила из людей непоколебимо убежденных, .. что при неспособности правительства революция в России неизбежна, что она неминуемо разразится в восстании ограбленного и подавленного народа и что при жестокости и тупоумии правительства она может получить исполинские размеры кровавой драмы, если все, или по крайней мере большинство, способное и честное, из образованных классов, не станет на сторону доведенного до восстания народа и не обессилит тем самым окончательно правительства, лишив его какой бы то ни было пользы в диком упорстве».

В том же духе мыслил и Чернышевский, призывавший «барских крестьян» от имени их «доброжелателей»¹ «покуда пора не пришла, ...силу беречь, себя напрасно в беду не вводить, значит спокойствие сохранять и виду никакого не показывать. ... А когда все готовы будут, значит везде поддержка подготовлена, ну, тогда и дело начинай. А до той поры рукам воли не давай, смиренный вид имей, а сам промеж своим братом мужиком толкуй да подговаривай его, чтобы дело в настоящем виде понимал. А когда промеж вами единогодушие будет... тогда и легко будет волю добыть».

«...В руках нашего комитета»

Приготовление крестьян к социальному перевороту очевидно должно было занять длительное время. Такая тактика казалась проигрышной весьма многим народникам начала 60-х годов. Дело было не столько даже в революционном нетерпении молодежи, которая составляла костяк движения. Сторонники радикальных мер опасались упустить благоприятный момент для такого переворота, поскольку «развитие капитализма и все большее и большее проникновение в народную жизнь (благодаря протекторату и стараниям русского правительства) разных язв буржуазной цивилизации угрожают разрушением общины и большим или меньшим искажением народного мирозерцания».

Радикальное течение обнаружилось почти немедленно после крестьянской реформы в «эпоху прокламаций». Первой ласточкой была прокламация «К молодому поколению», появившаяся осенью 1861 г., она угрожала династии Романовых физическим уничтожением, если та не проведет требуемых от нее реформ.

В наиболее ясной форме основные догматы этого направления были представлены в прокламации «Молодая Россия», составленной в первой половине 1862 г. студентом физико-математического факультета Московского университета Петром Заичневским. Разделив всю Россию на непримиримые «императорскую» и «революционную»

---

¹Неопровержимых доказательств того, что прокламация, начинающаяся словами «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», составлена Н.Г. Чернышевским не существует, однако большинство исследователей на основании косвенных данных склонны приписывать текст именно ему.

партии, Заичневский утверждал, что герценовский «Колокол» «не может служить не только полным выражением мнений революционной партии, но даже и отголоском их». «Близорукий ответ» Герцена «на письмо человека, говорившего, что пора начать бить в набат и призывать народ к восстанию, а не либеральничать», его надежда «на мирный переворот; его отвращение от кровавых действий, от крайних мер, которыми одними можно только что-нибудь сделать, — окончательно уронили журнал в глазах республиканской партии».

Составитель прокламации, ссылаясь на опыт европейских революций, честно предупреждает, что представляемая им «революционная партия» будет «последовательнее не только жалких революционеров 48 года, но и великих террористов 92 года», и не побоится «для ниспровержения современного порядка» «пролить втрое больше крови, чем пролито Якобинцами в 90 годах». Призываемая Заичневским революция, «революция кровавая и неумолимая, — революция, которая должна изменить радикально все, все без исключения, основы современного общества», должна одновременно привести и физическому уничтожению — «погубить» — всех «сторонников нынешнего порядка».

Основные программные требования, заявленные в прокламации, состояли в «изменении современного деспотического правления в республиканско-федеративный союз областей», причем «на сколько областей распадется земля русская, какая губерния войдет в состав какой области, — этого мы не знаем: само народонаселение должно решить этот вопрос». Каждая область должна состоять «из земледельческих общин, все члены которых пользуются одинаковыми правами», причем «всякий человек должен непременно приписаться к той или другой общине: на его долю по распоряжению мира назначается известное количество земли, от которой он, впрочем, может отказаться или отдать ее в наем. Ему предоставляется также полная свобода жить вне общины и заниматься каким угодно ремеслом, только он обязан вносить за себя ту подать, которая назначается общиной».

Далее прокламация требовала «заведения общественных фабрик, управлять которыми должны лица, выбранные от общества, обязанные по истечении известного срока давать ему отчет»; и «заведения общественных лавок, в которых продавались бы товары по той цене, которой они действительно стоят, а не по той, которую заблагорассудится назначить торговцу для своего скорейшего обогащения». Вые-

тавлялись требования «общественного воспитания детей», «полного освобождения женщины», «уничтожения брака как явления в высшей степени безнравственного и немыслимого при полном равенстве полов, а следовательно и уничтожения семьи, препятствующей развитию человека».

Но исполнение всей этой демократической и гуманитарной части программы отодвигалось в неопределенное будущее. А на первое время революционная партия «должна захватить диктатуру в свои руки и не останавливаться ни перед чем». Даже выборы в учредительное Национальное собрание должны происходить «под влиянием» революционного «Правительства, которое тотчас же и позаботится, чтобы в состав его не вошли сторонники современного порядка».

Впрочем, учредительная роль этого Национального собрания тут же сводилась к нулю утверждением, что революционное правительство сохраняет централизованный аппарат политической власти, чтобы с его помощью «ввести другие основания экономического и общественного быта в наивозможно скорейшем времени».

Главными действующими силами революции назывались народ вообще, затем отдельно крестьянство и старообрядцы в частности, «войско» и молодежь. В один прекрасный день эта сила с громким криком «Да здравствует социальная и демократическая республика Русская!» должна была двинуться «на Зимний дворец истребить живущих там». Допускалось, что истреблением императорской фамилии дело и ограничится, но поскольку скорее всего «вся императорская партия, как один человек, встанет за государя... мы издадим один крик: «в топоры», и тогда... тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам!»

Заичневский блефовал, никакой партии за ним не стояло. Устрашающую прокламацию он сочинил, сидя под арестом в Тверской полицейской части в Москве за попытку пропаганды среди крестьян отцовского имения на Орловщине, предпринятую в полном одиночестве. Готовая применить эти рецепты организация появилась позже.

Осенью 1868 г. среди бунтующих студентов Петербургского университета появился новый вольнослушатель — учитель закона Божия приходского училища Сергей Геннадьевич Нечаев, «худенький, не-

большого роста, нервный, вечно кусающий свои изъеденные до крови ногти молодой человек с горящими глазами и резкими жестами». Молодой человек на сходках помалкивал, проблемы функционирования студенческих касс взаимопомощи и кухмистерских мало его занимали. Он высматривал людей, подходящих для создания боевой революционной организации.

Организация федеративного типа для замышляемой революции не годилась. Это должна была быть дисциплинированная армия, беспрекословно подчиняющаяся своему вождю. Для придания себе авторитета Нечаев пускался в мистификации. Он сочиняет записку товарищам, будто его арестовали и везут в Петропавловскую крепость, те бросаются его разыскивать и выясняют, что в Петропавловке Нечаева нет. Через некоторое время он появляется уже в Москве и рассказывает, что из крепости бежал. Взяв у товарища заграничный паспорт, он отправляется в Одессу и вскоре возвращается, рассказывая о новом своем аресте и побеге. В марте 1869 года Нечаев наконец уезжает в Европу и здесь сближается с лидерами русской революционной эмиграции Михаилом Бакуниным и Николаем Огаревым. Им он рассказывает о будто бы созданной им в России многочисленной организации «Народная расправа», издает вместе с Бакуниным брошюру «Народная расправа», где обрисовывает «Главные основы будущего общественно-го строя».

<*...Выход из существующего общественного порядка и обновление жизни новыми началами может совершиться только путем сосредоточения всех средств для существования общественно в руках нашего КОМИТЕТА и объявлением обязательной для всех физической работы.

Комитет тотчас по низвержении существующих основ объявляет все общественным достоянием и предлагает составление артелей, объявляя при том таблицы, составленные знающими людьми и указывающие, какие отрасли труда наиболее необходимы в данной местности и какие обстоятельства могут мешать тому или другому разряду занятий.

В течении известного числа дней, назначенных для переворота и неизбежно последующей за ним сумятицы, каждый индивидуум должен примкнуть к той или иной рабочей артели по собственному выбору, руководствуясь соображением с

своими силами и способностями. Все оставшиеся отдельно и не примкнувшие к рабочим группам без уважительных причин не имеют права доступа ни в общественные столовые, ни в общественные спальни, ни в какие-либо другие здания, предназначенные для удовлетворения разных потребностей работников-братьев, или заключающие в себе продукты и материалы, запасы и орудия, предназначенные для всех членов установившего рабочего общества; одним словом, непримкнувшая без уважительных причин к артели личность остается без средств к существованию. Для нее закрыты все дороги, все средства сообщения, останется только один выход: или к труду или к смерти» (Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. М.: Археографический центр, 1997. С. 262).

Каждая артель должна была выбрать «из своей среды оценщика», в обязанности которого входило «записывание суммы производительности труда каждого, по мере накопления, а также и его потребления». Из представителей артелей составлялась региональная «Контроль», надзирающая за деятельностью артелей, и непосредственно заведующая крупными «общественными работами», вроде рытья каналов. Надо всем возвышался Центральный комитет.

Войти в светлое царство нечаевского социализма суждено не всем. Еще до начала революции революционерам придется «истребить целую орду грабителей казны, подлых народных тиранов», а заодно «избавиться тем или иным путем от лжеучителей, доносчиков, предателей, грязнящих знамя истины». В сочиненном, по всей видимости вместе с Бакуниным, «катехизисе революционера» — организационном наставлении для «Народной расправы» — с семинарским педантизмом российские подданные разбиваются на разряды, которым грозит неминуемая смерть или времешю даруется жизнь в соответствии с видами революционеров.

«§15. *Все это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий. Первая категория — неотлагаемо осужденных на смерть. Да будет составлен товариществом список таких осужденных по порядку их относительной*

зловредности для успеха революционного дела, так чтобы предыдущие номера убрались прежде последующих.

§16. При составлении такого списка и для установления вышереченного порядка должно руководствоваться отнюдь не личным злодейством человека, ни даже ненавистью, возбуждаемой им в товариществе или в народе. Это злодейство и эта ненависть могут быть даже отчасти и временно полезными, способствуя к возбуждению народного бунта. Должно руководствоваться мерою пользы, которая должна произойти от его смерти для революционного дела. Итак, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, и такие, внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергических деятелей, потрясти его силу.

§17. Вторая категория должна состоять именно из тех людей, которым даруют только временно жизнь, дабы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта.

§18. К третьей категории принадлежит множество высокопоставленных скотов или личностей, не отличающихся ни особенным умом и энергиею, но пользующихся по положению богатством, связями, влиянием и силою. Надо их эксплуатировать всевозможными манерами и путями; опутать их, сбить их с толку, и, овладев, по возможности, их грязными тайнами, сделать их своими рабами. Их власть, влияние, связи, богатство и сила сделаются таким образом неистощимой сокровищницею и сильною помощью для разных революционных предприятий.

§19. Четвертая категория состоит из государственных честолюбцев и либералов с разными оттенками. С ними можно конспирировать по их программам, делая вид, что слепо следуешь за ними, а между тем прибрать их в руки, овладеть всеми их тайнами, скомпрометировать их до нельзя, так чтоб возврат был для них невозможен, и их руками мутить государство.

§20. Пятая категория — доктринеры, конспираторы и революционеры в праздно-глаголющих кружках и на бумаге. Их

надо беспрестанно толкать и тянуть вперед, в практические головоломные заявления, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих.

§21. Шестая и важная категория — женщины, которых должно разделить на три главных разряда.

Одни — пустые, бессмысленные и бездушные, которыми можно пользоваться, как третьей и четвертой категорией мужчин.

Другие — горячие, преданные, способные, но не наши, потому что не доработались еще до настоящего безфразного и фактического революционного понимания. Их должно употреблять, как мужчин пятой категории.

Наконец, женщины совсем наши, то есть вполне посвященные и принявшие всецело нашу программу. Они нам товарищи. Мы должны смотреть на них, как на драгоценнейшее сокровище наше, без помощи которых нам обойтись невозможно» (Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. М.: Археологический центр, 1997).

Под революцией Нечаев понимал «не регламентированное движение по западному классическому образу — движение, которое, всегда останавливаясь с уважением перед собственностью и перед традициями общественных порядков так называемой цивилизации и нравственности». «Спасительной для народа, — утверждает в «Катехизисе», — может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции, порядки и классы в России». Поэтому дело революционной организации — «страстное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение». Соответственно революционеры должны прежде всего «соединиться с теми элементами народной жизни, которые со времени основания московской государственной силы не переставали протестовать не на словах, а на деле против всего, что прямо или косвенно связано с государством: против дворянства, против чиновничества, против попов, против гильдейского мира и против кулака мироеда. ...С лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России».

Первая задача конспиративной революционной организации как раз и состояла в том, чтобы сплотить этот мир в «одну непобедимую, всеограшающую силу». Методы такого сплочения были принципиально безнравственными. По словам Бакунина, Нечаев уверял его, что для создания революционной организации, «общества серьезного неразрушимого, надо взять за основу политику Макиавелли и вполне усвоить систему иезуитов».

Бакунин был готов помочь. Он выдал Нечаеву мандат за собственной подписью, гласивший: «Податель сего есть один из представителей русского отдела Всемирного революционного союза, № 2771». Впечатляющий порядковый номер должен был уверить всякого, что «податель» принадлежит к могущественной организации. Мандат был мистификацией — во «Всемирном революционном союзе» состояли едва полторы дюжины анархистов, сторонников Бакунина в I Интернационале.

Бакунин же уговорил Огарева посвятить Нечаеву стихотворение «Студент», где повествовалось о молодом борце за свободу народа, который «жизнь окончил в этом мире в снежных каторгах Сибири».

Экипировавшись таким образом, Нечаев отправляется в Россию, где приступает к вербовке членов «Народной расправы» при помощи шантажа и провокаций. Организация строилась по принципу, заимствованному из опыта французских «бешеных» (тайного общества, созданного в 1796 г. Гракхом Бабефом для организации восстания), — «пятерками». Только один из членов такой пятерки — «организатор» входил в вышестоящую, увенчивал эту иерархию таинственный и всемогущий Комитет. За несколько месяцев Нечаеву удалось привлечь под свои знамена около семидесяти человек. Однако вскоре его мистификаторские приемы вызвали протест студента Петровской земледельческой академии Ивана Иванова. Он отказался выполнить очередное распоряжение Нечаева, настаивавшего, будто это воля Комитета. «Комитет всегда решает точь-в-точь, как вы желаете», — отрезал Иванов Нечаеву и объявил о выходе из организации.

Иванов был не только членом центрального московского кружка, но и пользовался в студенческой среде большим влиянием. Авторитет Нечаева оказался под угрозой, которую он и поспешил ликвидировать, одновременно «сцементировав кровью» организацию.

21 ноября 1869 г. в гроте Петровского парка на тихой, почти дачной окраине Москвы четверо членов «Народной расправы» убили

Иванова. В числе убийц был и почтенный отец семейства сорокалетний литератор Иван Прыжов, автор знаменитой «Истории кабаков в России». Убивали, не умеючи, долго и мучительно, били камнями и кулаками, пытались душить руками, и только когда Иванов перестал подавать признаки жизни, Нечаев вспомнил о лежащем у него в кармане револьвере и для верности выстрелил труп в голову. Тело сбросили в пруд, где его на другой день обнаружила полиция, которая в течение нескольких недель выявила и арестовала всех членов организации, но сам Нечаев успел бежать за границу.

Дело об убийстве Иванова слушалось летом 1871 г. — это был один из первых судебных процессов, проводившихся гласно, в соответствии с новыми судебными уставами. Подробности «нечаевщины» попали в газетные отчеты и произвели на публику ошеломляющее действие. Ф.М. Достоевский в романе «Бесы», написанном под впечатлением этих отчетов, обобщил явление «нечаевщины» до общенационального бедствия — «бесовщины». Ему возражал Н.К. Михайловский, популярный критик демократического лагеря, утверждавший, что нечаевская «история» — «печальное, ошибочное и преступное исключение». Этот взгляд всячески пропагандировали в советские времена. Революционеры должны были представлять в истории людьми «с чистыми руками и горячим сердцем».

Между тем методы Нечаева вызвали отвращение отнюдь не у всех современников. Вера Фигнер, учившаяся в 1872 г. в Швейцарии, в момент поимки Нечаева и выдачи его швейцарскими властями России как уголовного преступника даже удивлялась, что «общественное мнение Швейцарии было настроено неблагоприятно для Нечаева» и «агитация, поднятая кружком цюрихских эмигрантов... в пользу Нечаева, успеха не имела». Только небольшая группа студентов, в том числе сербов, предприняла неудачную попытку «отбить» Нечаева на железнодорожном вокзале при отправке его в Россию.

Для многих современников только нечаевский образ действий и означал собственно революционную борьбу. В.К. Дебогорий-Мокриевич, один из видных народовольцев, вспоминал о впечатлении, произведенном на него судебным процессом нечаевцев в 1871 г., когда сам он был студентом Киевского университета: «показания обвиняемого Успенского, оправдывавшего свое участие в убийстве студента Иванова тем соображением, что для спасения жизни двадцати человек всегда дозволительно убить одного, казались нам чрезвычайно ло-

гичными и доказательными. Рассуждая на эту тему, мы додумались до признания принципа "цель оправдывает средства". Так мало-помалу мы приблизились к революционному мировоззрению...»

Так что по справедливому замечанию одного из лучших знатоков этой эпохи историка Б.П. Козьмина «нечаевское дело... предвосхищает в некоторых отношениях ту постановку революционного дела, какую оно получило в следующее десятилетие». Однако эта «постановка революционного дела» утвердилась не вдруг. Спор между сторонниками бескровного социального переворота, совершаемого просвещенным народом, и апологетами революции, приводящей к власти группы заговорщиков, которая уже при помощи государственного насилия над большинством меняет социальный строй, не был завершен. Сложность заключалась в том, что народ представлял для обеих партий величину совершенно неизвестную, наподобие «икса» в алгебраическом уравнении. Выбор той или иной модели революции во многом зависел от решения этого уравнения.

«Демократо-туристические странствования»

Естественным представлялся путь, намеченный Николаем Огаревым в письме к друзьям еще в 1836 г.: «Снимите ваш фрак, наденьте серый кафтан, вмешайтесь в толпу, страдайте с нею, пробудите в ней сочувствие, возвысьте ее; ее возвышение будет глас, трубный!..»

Подобные призывы идеологов, носителей высокой культуры, исторически связанной в России с дворянским сословием, вызвали весьма своеобразную реакцию в той среде, которая оказалась к ним наиболее восприимчивой — среде разночинной молодежи, сделавшейся главной опорой и главным поставщиком радикально-оппозиционных сил в 1860—1880-е гг. По самому своему происхождению этот слой людей, вышедших из податных сословий и не получивших дворянских прав, оказывался в культурном отношении маргинальным. Отстраняясь и часто презирая обычаи и культурный обиход социальной группы, которую они покинули (как правило, это были бывшие мещане и поповичи), и поверхностно освоив высокую культуру, эти люди по недостатку образования не могли глубоко вникать в тонкости теоретических рассуждений учителей социализма.

Господствующее умонастроение этой среды в начале 1860-х гг. противники называли «нигилизмом» (слово это вошло в широкий обиход после выхода в 1862 г. романа И.С. Тургенева «Отцы и дети», где разночинец был представлен фигурой Базарова). Нигилисты стремились не принимать безусловно на веру традиционные ценности и обычаи, поверяя их ценность наукой. Однако сама наука становилась в силу культурных особенностей этой среды объектом веры. Научные гипотезы, вроде дарвиновской теории происхождения человека от приматов или теории немецкого естествоиспытателя Бюхнера о тождестве сознания и химических процессов в человеческом организме, без подобающей критической оценки становились объектом веры.

Одновременно со стремлением к строгому знанию у разночинцев была сильна «потребность в религиозном построении». «С разных сторон, — вспоминал видный участник движения О.В. Аптекман, — мне приходилось слышать такого рода суждения: мир утопает во зле и неправде; чтобы спасти его, недостаточна наука, бессильна философия; только религия — религия сердца может дать человечеству счастье». Смертельно больной Нечаев просил позвать к нему священника для беседы и причастия — ему как извергу в этом отказали (кстати, умер он в 1882 г. 21 ноября, в годовщину убийства Иванова). Перед казнью, стоя на эшафоте, руководитель «Народной воли» Андрей Желябов поцеловал крест. Советские биографы террориста, утверждая, что «этот поцелуй предназначался для толпы, иначе эти темные суеверные люди сочтут революционеров выродками», кажется, сильно упрощали действительность. Многие из народников видели существо христианского учения в том, чтобы «отдать всего себя на служение другим», а «на этой почве уже нетрудно было усвоить и учение шестидесятых годов о долге перед народом, о необходимости заплатить ему за все блага, полученные от рождения».

Воображаемый народ, носитель и хранитель общинного идеала, наделялся всеми мыслимыми достоинствами. Считалось, что «народ сам укажет интеллигенту, желающему слиться с ним, что он должен делать и куда направить свои силы».

При таком настроении «хождение в народ» выходило за рамки простой общественной кампании, становилось таинством приобщения к предмету обожания. Крестьянство для народников этого начального этапа было не просто силой в политической борьбе, оно было объектом

веры и поклонения. В.К. Дебогорий-Мокриевич сравнивал его с «таинством евхаристии». Степняк-Кравчинский, деятельный участник движения, отмечал в своих воспоминаниях, что «тип пропагандиста семидесятых годов принадлежал к тем, которые выдвигаются скорей религиозными, чем революционными движениями». И соответственно движение интеллигенции в народ было «скорее каким-то крестовым походом, отличаясь вполне заразительным и всепоглощающим характером религиозных движений. Люди стремились не только к достижению определенных практических целей, но вместе с тем к удовлетворению глубокой потребности личного нравственного очищения».

Первые робкие попытки «хождения в народ» были предприняты уже в начале 1860-х гг., когда многочисленные одиночки отправились «узнавать настроения народа», собирать фольклор. Уже в 1857 г. правительство заметило новое движение и специальным указом строго запретило лицам, ходящим «по городам, посадам, селениям, ярмаркам, большим и торговым дорогам для собирания исторических, статистических, этнографических и т. п. сведений» «делать ложные разглашения» и «распространять рассуждения и толки, предосудительные для правительства».

Большое влияние на молодежь произвели публиковавшиеся 1868—1869 гг. в газете «Неделя» отдельными выпусками «Исторические письма» ссыльного профессора математики Петра Лаврова, в которых он связывал прогресс в истории с деятельностью «критически мыслящих личностей», то есть интеллигенции. Главный тезис Лаврова заключался в том, что «всякое цивилизованное меньшинство, которое не хотело быть цивилизующим в самом обширном смысле этого слова, несет ответственность за все страдания современников и потомства, которые оно могло устранить, если бы не ограничивалось ролью представителя и хранителя цивилизации, а взяло на себя и роль ее двигателя». Как вспоминал О.В. Аптекман: «Книга овладела мною, как, скажу, св. Писание или Коран верующим: она... сулила мне спасение, праведную жизнь». Число молодых людей, стремящихся к сближению с народом, быстро росло.

В народ стремились народники обоих очерченных выше течений, преследуя разные цели. Как отмечал Михаил Бакунин, «после несчастного исхода нечаевского предприятия» мнения относительно того, с чем идти в народ, «чрезвычайно разделились; но из общей неурядицы мыслей выделяются уже теперь два главные и противоположные нал-

равления. Одно — более миролюбивое и подготовительного свойства; другое — бунтовское и стремящееся прямо к организации народной борьбы».

В 1874 г. стихийное движение приняло массовые размеры. Сигнал к этому подало само правительство. В 1870-е гг. в Цюрихе, куда приезжали главным образом молодые женщины для получения высшего образования, путь к которому в России был для них закрыт, образовалась значительная русская колония. В этой среде идея возвращения долга народу быстро нашла питательную почву, и русская колония в Цюрихе превратилась в единый оппозиционный клуб. Обеспокоенное этим обстоятельством российское правительство издало указ, предписывающий всем русским слушателям Цюрихского университета вернуться на родину до первого января 1874 г. под страхом лишения российского подданства. Цюрихские студенты и студентки решили протестовать против правительственного распоряжения весьма своеобразно — пойти в народ. Они составили наиболее энергичный костяк движения 1874 г.

И вот городская недоучившаяся молодежь под видом фельдшеров и оспопрививателей, ремесленников и крестьян, идущих на заработки, двинулась в деревню. Преимущественно в качестве районов деятельности она выбирала Дон, Поволжье и Урал, где, по мнению участников «хождения», еще была жива память о крестьянских бунтах Разина и Пугачева и где пропагандисты рассчитывали установить связи с другими активными носителями народного «протеста» — разбойниками и религиозными сектантами. Запас печатных брошюр был невелик, и главной формой воздействия на крестьян была устная пропаганда. Разговоры затевали везде, где крестьяне соглашались слушать: в полевых станах, крестьянских избах, где находили ночлег, даже в кабаках.

Воображаемое народниками крестьянство в деревне не обнаружилось, а реальный мужик, по словам Бакунина, оказался «свиньей безнравственной и добродушной». Крестьянство встретило пропагандистов отнюдь не хлебом-солью. Мужики поразили интеллигентов «торгашеским духом», «отсутствием солидарности» и одновременно «отсутствием резких границ между эксплуататором и эксплуатируемым». «Пропагатору», доказывающему слушателям в «питейном заведении», что все люди должны быть равны, немедленно возражали: «не ладно ты, брат, говоришь. Взгляни-ка на свою руку: на ней пять пальцев, и все неравные». Практический разговор о малоземелье и пода-

тях, по воспоминаниям Аптекмана, крестьяне не поддерживали охотно, «но стоило только пропагандисту перейти на почву социализма, как все совершенно изменялось. Не то чтобы его не хотели слушать... а слушали, как обыкновенно слушают занятную сказку: не любо — не слушай, а врать не мешай». Участников похода поразили «крайне низкий, почти первобытный уровень народных потребностей» и «несокрушимый фатализм», не оставляющий «места индивидуальной и коллективной инициативе и ответственности...».

Полиция быстро выловила пропагандистов. Но это бы полбеда, беда заключалась в том, что народ не понял борцов за его права, а иных, приняв за турецких шпионов, сдал полиции. В 1874 г. под арестом оказались около 4000 человек. Но не эти потери были главным ударом по движению. Тяжелее был крах идеи. Народник образца 1874г., несмотря на весь эстетический нигилизм и склонность к резанию лягушек, был чистым идеалистом. «Социализм был его верой, народ — его божеством, — вспоминал С.М. Степняк-Кравчинский. — Невзирая на всю очевидность противного, он твердо верил, что не сегодня завтра произойдет революция, подобно тому как в средние века люди иногда верили в приближение Страшного суда. Неумолимая действительность нанесла жестокий удар этой восторженной вере, показавши ему его бога, каков он есть, а не каким он рисовался его воображению».

«Часть дезорганизаторская»

Народ оказался вовсе не таким «социалистом по инстинкту», как полагали. Его подготовка к социальной революции требовала интенсивной и длительной пропаганды, а также определенного уровня грамотности и образованности самого народа. Действенная пропаганда социалистического учения оказалась невозможна без политических свобод, к которым до тех пор российские народники были совершенно равнодушны, поскольку стремились прямо к социальному переустройству, мало интересовались политикой и даже считали излишними демократические институты, выработанные «мещанской» Европой. Еще менее помышляли они о политической революции с целью захвата власти.

В программной речи на «процессе 50-ти» в марте 1877 г. одна из обвиняемых Софья Бардина говорила с полной искренностью: «Если

бы мы стремились произвести политический *coup d'etat*¹, то мы не так бы стали действовать; мы не пошли бы в народ, который еще нужно готовить да развивать, а стали бы искать и сплачивать недовольные элементы между образованными классами. Это было бы целесообразнее, но дело-то именно в том, что мы к такому *coup d'etat* вовсе не стремимся...»

В результате массового «хождения в народ» значительная, и что важнее — наиболее энергичная часть народников пришла к заключению, что без политических свобод ф никакая работа в деревне с целью подготовки социального переворота невозможна.

Стремление к организационному сплочению возникает сразу же после разгрома 1874 г. В 1876 г. Марк Натансон собрал в одной организации все рассеянные и дезорганизованные народнические силы (за что получил от товарищей прозвище «Иван Калита»). Так возникла вторая «Земля и воля». Организация объединяла в своих рядах практически все наличные оппозиционные силы, включавшие весьма разнородные элементы.

Эта разнородность нашла яркое выражение в программных документах организации. С одной стороны, в них партия отрекается от намерения диктовать свою волю народу.

Конечный политический и экономический наш идеал — анархия и коллективизм.

Но, признавая, с одной стороны, что партия может быть влиятельною и сильною только тогда, когда она опирается на народные требования и не насилует выработанного историей экономического и политического народного идеала, а с другой — что коронные черты характера русского народа настолько социалистичны, что если бы желания и стремления народа были в данное время осуществлены, то это легло бы крепким фундаментом дальнейшего успешного хода социального дела в России, мы суживаем наши требования до реально осуществимых в ближайшем будущем, т. е. до народных требований, каковы они есть в данную минуту. Мы решаемся написать на своем знамени исторически выработанную формулу «земля и воля» (Программа обще-

---

¹ Государственный переворот (франц.).

ства «Земля и воля» //Революционный радикализм в России. М., 1997).

С другой стороны, партия усваивает главные принципы экстремистов нечаевского типа.

§ 9. Цель оправдывает средства.

Примечание. Исключая тех случаев, когда употребленные средства могут подрывать авторитет организации (Устав общества <Земля и воля>. Дополненная редакция 1876 г.).

Задачи партии подразделялись на две большие части. Во-первых, партия стремилась «помочь организовать элементам недовольства в народе и слиться с существующими уже народными организациями революционного характера, агитацией же усилить интенсивность этого недовольства». Для чего предполагалось «организация уже готовых революционеров, согласных действовать в духе нашей программы»; «сближение и даже слияние с враждебными правительству сектами религиозно-революционного характера, каковы, например, бегуны, неплательщики, штунда¹»; «привлечение на свою сторону по временам появляющихся в разных местах разбойничьих шаек типа понизовой вольницы»; «заведение сношений и связей в центрах скопления промышленных рабочих».

Во-вторых, партия ставила перед собой цель «ослабить, расшатать, т. е. дезорганизовать силу государства, без чего, по нашему мнению, не будет обеспечен успех никакого, даже самого широкого и хорошо задуманного, плана восстания». В этой «дезорганизаторской части» предусматривалось заведение связей в армии и правительственных учреждениях. Последним пунктом значилось: «систематическое истребление наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства и вообще людей, которыми держится тот или другой ненавиденный нам порядок».

Строение организации на первых порах было вполне демократическим. Руководящим центром общества служил «центральный», или

---

¹Секты, считавшиеся по официальной тогдашней терминологии «особо вредными», члены которых не признавали над собой власти государства.

«основной кружок». Из состава этого петербургского кружка избиралась «администрация» (или «комиссия» из трех-пяти человек, осуществлявшая оперативную координацию кружков и отдельных революционеров в провинции. Весной 1878 г. в составе «комиссии» выделились «интеллигентская», «рабочая», «редакционная», «типографская» и «дезорганизаторская» группы.

Поначалу основные усилия партии были направлены на реализацию «организаторской части» программы, землевольцы пытались продолжать пропаганду в деревне, организовав оседлые колонии революционеров в провинции. Но их деятельность была столь же безуспешной, как и стихийное хождение. Постепенно в организации укрупняется группа «политиков», считающих своей первоочередной задачей борьбу за политические свободы и подготовку политического переворота, предшествующего социальной революции.

«Дезорганизаторская» деятельность общества, направленная первоначально на самооборону, к началу 1878 г. приобретает самостоятельное значение. Логику этого перехода хорошо очертил в своих воспоминаниях Степняк-Кравчинский: террористические акты, «вытекаая из чувства мести, ...направлялись вначале на ближайших врагов — шпионов, и в разных частях России их было убито около полудюжины. Было, однако, несомненно, что эти первые попытки необходимо должны были повести к дальнейшим. Уж если тратить время на убийство какого-нибудь шпиона, то почему же оставлять безнаказанным жандарма, поощряющего его гнусное ремесло, или прокурора, который пользуется его донесениями для арестов, или, наконец, шефа жандармов, который руководит всем? А дальше приходилось подумать и о самом царе, властью которого действует вся эта орда».

Оправдание Веры Засулич послужило толчком, в результате которого «этот переход, на который при иных условиях потребовались бы, может быть, годы, был совершен почти сразу». Дело Засулич «озарило» террор «ореолом самопожертвования и дало ему санкцию общественного признания».

Полемика между «деревенщиками», считавшими главной задачей пропаганду в деревне, и «политиками» после оправдания Засулич резко обостряется, причем победа достается «политикам». В начале 1879 г. энергичная группа «политиков» во главе с А.Д. Михайловым образует «Исполнительный комитет» и приступает к формированию хорошо законспирированной террористической организации. В июне 1879 г.

«политики» провели сепаратный съезд в Липецке. Попытка выработать компромисс и сохранить единство организации, предпринятая на Воронежском съезде «Земли и воли» успеха не имела. Организация окончательно распалась на две: пропагандистскую «Черный передел», вскоре свернувшую свою деятельность в России и тихо почившую в эмиграции, и «Народную волю», вставшую на путь террора, единственного средства политической борьбы, доступного меньшинству при отсутствии в стране политических свобод.

Отдельные террористические акты предпринимались революционерами-одиночками и ранее. Террор «Народной воли» приобретает качественно новые черты. Теракт перестает быть только мстью и инструментом дезорганизации правительства. Он получает теоретическое оправдание и осознается в качестве важнейшего воспитующего средства. П.Н. Ткачев блестяще сформулировал это в своем журнале «Набат»: «Революционный терроризм является... не только наиболее верным и практическим средством дезорганизовать существующее полицейско-бюрократическое государство», но и «единственным действительным средством нравственно переродить холопа-верноподданного в человека-гражданина».

Сил для массированного террористического наступления на власть у народovolьцев, разумеется, не было. Характерно, что в начале 1881 г. организация решала, убить царя или освободить из Петропавловской крепости Нечаева — на оба мероприятия ресурсов недоставало. Решено было, в конце концов, бросить все силы на организацию цареубийства, которое по мысли народovolьцев должно было вызвать революционший взрыв по всей России.

После целой череды неудачных покушений 1 марта 1881 г. «метальщики» Гриневицкий и Рысаков, действовавшие по команде Софьи Перовской, «привели в исполнение» смертный приговор, вынесенный «Народной волей» Александру II еще в 1879 г.

Ожидаемого революционного взрыва, однако, не последовало. Единственной реакцией масс на покушение, среди организаторов которого были евреи, стали еврейские погромы, мощной волной прокатившиеся по южной России (полиция зарегистрировала 259 случаев). «Народная воля» готова была приветствовать хотя бы и такое начало народного движения. В вышедшем осенью 1881 г. шестом номере листка «Народная Воля» по поводу погромов было сказано только, что «все внимание обороняющегося народа сосредоточено те-

перь на купцах, шинкарях, ростовщиках, словом на евреях, этой местной "буржуазии", поспешно и страстно, как нигде, обирающей рабочий люд». Разочаровывало только то, что движение захватило исключительно города и только в черте еврейской оседлости.

Поднять на борьбу широкие массы крестьянства при помощи террора не удавалось. Единственный удачный опыт подготовки народного восстания в деревне был связан с применением совершенно других средств: мистификации и обмана.

Зимой 1876 г. по деревням Чигиринского уезда Киевской губернии начал ходить молодой человек, представлявшийся Дмитрием Найдой. Выдавая себя за ходока от херсонских крестьян к царю, он легко завел связи и знакомства с крестьянами, входил в доверие к ним. На самом деле молодого человека звали Яковом Стефановичем, он был одним из активных участников революционных кружков, и на свой страх и риск решил исполнить собственный план, по отзыву Степняка-Кравчинского, «поразительный по соединению смелости с бесстыдством, грандиозности и практичности — с полной беспринципностью». План этот состоял в том, чтоб поднять народ на восстание именем царя.

В конце 1876 г. «Найда» вернулся в Чигирин. На сей раз при нем были важные бумаги — «утвержденная царем» «Высочайшая тайная грамота», устав крестьянского общества «Тайная дружина» и текст «Обряда святой присяги». В царской «грамоте», составленной Стефановичем и Львом Дейчем, царь сообщал крестьянам о своем бессилии побороть сопротивление помещиков установлению истинной воли и предписывал им объединяться в тайные общества для подготовки к восстанию против дворян для захвата всей земли. «Грамота» имела большой успех, крестьяне массами вступали в «Тайную дружину», которая к середине 1877 г. насчитывала около трех тысяч человек под командой «атамана» — отставного унтер-офицера Олейника.

Заговор был раскрыт полицией, под суд угодило более 1000 крестьян, получивших разные сроки наказания. Инициаторам удалось скрыться за границей. Степняк-Кравчинский, описывая эту аферу, утверждал, что «принцип стефановичевского плана — обман народа, хотя бы для его же блага, и поддержание гнусной царской легенды, хотя бы с революционными целями, — был безусловно отвергнут партией и не имел ни одного подражателя». Но и ему приходилось признать, что «энергия имеет непреодолимую обаятельность, в особенности для русских, среди которых людей с энергией так мало».

Энергии малочисленных революционеров оказалось недостаточно, чтобы заставить власть пойти на созыв учредительного собрания. Одновременно окончательно развеялись надежды на массовое революционное движение в желательном для народников направлении. Оставалось попробовать зайти с другого конца и, отказавшись от анархического идеала, по крайней мере на переходный период, попытаться использовать для проведения социальной революции принудительную мощь государства.

«Революционное государство»

Идея эта не была чужда и народовольцам. В проекте программы исполнительного комитета «Народной воли», составленном в конце 1879 г., в разделе 5 — «Организация и совершение переворота» — указывалось: «Ввиду придавленности народа, ввиду того что правительство частными усмирениями может очень долго сдерживать общее революционное движение, партия должна взять на себя почин самого переворота, а не дожидаться того момента, когда народ будет в состоянии обойтись без нее». Не публиковавшийся по тактическим соображениям пункт 5 раздела «Д» программы Исполнительного комитета «Народной воли» прямо предусматривал организацию «заговора» и «переворота». О его «дворцовом» варианте рассуждал в 1881 г. член Комитета Л.А. Тихомиров: «При тогдашнем настроении общества и офицеров, да еще при такой полиции положительно возможно бы было организовать дворцовый переворот». В 1882 г. офицеры, входившие в Воешгую организацию «Народной воли», обсуждали планы захвата Кронштадта и ареста царской семьи на майском параде (в крайнем случае предполагалось немедленное «истребление царя со свитой»). При провозглашении Временного правительства в него предлагалось привлечь высокопоставленных военных — например, популярного генерала, героя Шипки Михаила Драгомирова.

Некоторый свет на содержание не подлежащего опубликованию раздела, по всей видимости, позволяет пролить составленная весной 1880 г. народовольческая инструкция, озаглавленная «Подготовительная работа партии». Государственный переворот — подготовительная часть социальной революции — описывался там следующим образом: «Искусно выполненная система террористических предпри-

ятий, одновременно уничтожающих 10—15 человек — столпов современного правительства, приведет правительство в панику, лишит его единства действий и в то же время возбудит народные массы, т. е. создаст удобный момент для нападения. Пользуясь этим моментом, заранее собранные боевые силы начинают восстание и пытаются овладеть главнейшими правительственными учреждениями».

Первоначально народовольцы возвращаются к нечаевской заговорщицкой тактике действий ради созыва Учредительного собрания. Пока что они не намерены диктовать народу свою волю. Народовольческая программа, напечатанная в № 3 журнала «Народная воля», вышедшем 1 января 1880 г., гласила: «Мы полагаем, что народная воля была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительным собранием, избранным свободно, всеобщей подачей голосов, при инструкциях от избирателей. Это, конечно, далеко не идеальная форма проявления народной воли, но единственно в настоящее время возможная на практике, и мы считаем нужным поэтому остановиться именно на ней». Уже это свободно избранное учредительное собрание должно «пересмотреть все наши государственные и общественные учреждения и перестроить их согласно инструкциям своих избирателей».

Проблема была в том, какие инструкции избиратели дадут своим депутатам. Знакомство с крестьянами, состоявшееся в результате многообразных «хождений», убедило народников, что эти инструкции едва ли будут созвучны чаяниям революционеров. Оставалось сделать следующий логический шаг и признать за партией меньшинства возможность ради построения светлого будущего отбросить идеалы непросвещенного народа.

Этот шаг был сделан Петром Никитичем Ткачевым, начинавшим революционную карьеру в нечаевском кружке. Во второй половине 1870-х гг. он широко пропагандировал свои идеи в издававшемся им за границей журнале «Набат», имевшем огромное влияние в революционной среде. «Только обладая властью, — писал Ткачев, — меньшинство может заставить большинство перестраивать свою жизнь совершенно... с идеалом наилучшего и наисправедливейшего общежития». Однако неразумное большинство едва ли согласится без борьбы на установление непонятного «наисправедливейшего» строя. Поэтому революционерам не избежать применения революционного насилия в отношении самого этого трудящегося большинства (Ткачев был убеж-

ден, что все лица старше 25 лет безнадежно испорчены старым строем, не смогут включиться в новый и подлежат уничтожению).

Уже в 1875 г. в статье «В чем должна состоять ближайшая практически достижимая цель революции» Ткачев сформулировал этот важнейший тезис. «Ближайшая... цель революции, — писал он, — должна заключаться не в чем ином, как только в том, чтобы овладеть правительственной властью и превратить данное консервативное государство в государство революционное». А вот собственно социальная революция, доселе считавшаяся результатом массового действия освобожденного народа, «осуществляется революционным государством, которое... уничтожает консервативные и реакционные элементы общества, упраздняет все те учреждения, которые препятствуют установлению равенства и братства; с другой — вводит в жизнь учреждения, благоприятствующие их развитию».

Деятельность ткачевского революционного государства должна была выразиться в «постепенном преобразовании современной крестьянской общины, основанной на принципе временного, частного владения, в общину — коммуну, основывающуюся на принципе совместного труда с использованием общих орудий производства»; в «экспроприации орудий производства, находящихся в частном владении, и в передаче их в общее пользование»; «постепенном введении таких общественных учреждений, которые бы исключали всякое посредничество при обмене продуктов и изменили бы принцип буржуазной справедливости: око за око, зуб за зуб, услуга за услугу, — принципам братской любви и солидарности»; «постепенном устранении физического, умственного и нравственного неравенства между людьми при посредстве обязательной системы общественного, для всех одинакового, интегрального воспитания»; «уничтожении существующей семьи, основанной на принципе подчиненности женщин, рабства детей и эгоистического произвола мужчин» и, наконец, — «в развитии общинного самоуправления» и «постепенном ослаблении и упразднении центральных функций государственной власти».

Программа Ткачева, в основных чертах сформировавшаяся уже в 70-е гг., приобрела особенно широкую популярность в 1880-е гг., когда «Народная воля» была окончательно разгромлена и сошла со сцены, а менее кровавадные народники занялись просто культурной работой в народе. Против Ткачева резко выступили соратник Маркса Энгельс и бывший народник, организатор «Черного передела» Плеха-

нов. Плеханов посвятил критике ткачевских взглядов большой раздел полемической книги «Наши разногласия». Существо разногласий Плеханов видел в различном отношении к массам: как цели или средству. Плеханов к этому времени уже был социал-демократом и критиковал тактику Ткачева, называя его бланкистом (от имени французского теоретика и практика заговора Луи Огюста Бланки). С точки зрения первого (социал-демократа), писал он, — «РЕВОЛЮЦИЯ имеет "особенно важное значение" ДЛЯ РАБОЧИХ; по мнению второго, РАБОЧИЕ имеют, как мы знаем, особенно важное значение ДЛЯ РЕВОЛЮЦИИ. Социал-демократ хочет, чтобы рабочий САМ СДЕЛАЛ свою революцию; бланкист требует, чтобы рабочий ПОДДЕРЖАЛ революцию, начатую и руководимую за него и от его имени другими, положим хоть гг. офицерами, если вообразить нечто вроде заговора декабристов».

Как замечал позднее внимательный наблюдатель и тонкий аналитик Николай Бердяев: «Полемика Плеханова с Ткачевым представляет большой интерес, потому что она звучит совсем так, как будто Плеханов полемизирует с Лениным и большевиками, в то время как их еще не существовало... Плеханов, как потом все марксисты-меньшевики, не хочет признать особенных путей России и возможность оригинальной революции в России. И в этом он, конечно, ошибся. Ткачев был более прав. Ткачев, подобно Ленину, строил теорию социалистической революции для России. Русская революция пршгуждена следовать не по западным образцам».

Сами большевики в начале своего правления отнюдь не стеснялись родства с Ткачевым. В 1923 г. в журнале «Пролетарская революция» видный большевик и второстепенный историк С.И. Мицкевич утверждал, что «русская революции в значительной мере произошла по Ткачеву: путем захвата власти в заранее назначенный срок (25 октября) революционной партией, организованной по принципу строгой централизации и дисциплины, и эта партия, захватив власть, действует во многом по тому методу, который рекомендовал Ткачев». Далее, перечислив основные преобразования, которые должно было осуществить после переворота «революционное государство», автор восклицал: «Как современны и близки нам все эти взгляды Ткачева! И наш теперешний строй, не есть ли осуществление мечты Ткачева, что революционная партия, захватив власть, будет править, опираясь на «Народную Думу». Его «Народная Дума» то же, что наши Советы». К

нему вскоре присоединился официальный глава большевистской исторической науки М.Н. Покровский, в пространной статье «Корни большевизма в русской почве» (1923) он прямо называл в ряду предтеч большевизма Пестеля, «Молодую Россию» и Ткачева.

В борьбе двух вариантов «русского социализма» победа в конечном счете досталась самому радикальному и в этом смысле наиболее «русскому». Между тем события могли принять совершенно иной оборот, если бы присяжные, судившие в марте 1878 г. Веру Засулич, не соскользнули, под влиянием оппозиционного настроения образованного общества, с твердой почвы права на зыбкую почву справедливости.

Подробнее на эту тему:

Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России: 1783-1883 гг. М.: Мысль, 1986.

Пирумова Н.М. Александр Герцен: революционер, мыслитель, человек. М.: Мысль, 1989.

Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. М.: Археографический центр, 1997.

Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М.: Мысль, 1966.